

Копченая икона: сажа и святость

Дмитрий Ю. Доронин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demetra2@mail.ru*

Виктор Ю. Коровин

*Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, kometkin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассказывается о становлении и функционировании одного из малоизвестных локальных центров промысла расхожих икон в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. Здесь в начале 1870-х гг. крестьяне с. Николай-Дар и Тольский Майдан начали производить и продавать фолежные иконы. Толчком к основанию нового промысла стала паломническая поездка крестьян в Воронеж, откуда в Нижегородскую губернию были перенесены новые для тех лет технологии производства икон с помощью копченными печатей. Такими печатями производили серийные оттиски сажей по фольге. Кейс «лукояновских фолежек» представляет несомненный интерес, поскольку может показать, как были связаны между собой христианизируемые колонии, крупные центры-монополисты производства, торговли иконами и местные промыслы. Основные источники по истории «лукояновских фолежек» – это две небольшие статьи из двух номеров «Нижегородского сборника» Гадиского последней четверти XIX в. Два автора, независимо друг от друга, но в одном краеведческом издании и с интервалом в 13 лет опубликовали описания местного иконного промысла. Авторы статьи сопоставляют эти два описания и выясняют особенности конструирования исследовательских нарративов. Таким образом, в статье, анализируется не только иконный промысел, но и его описания, сделанные в XIX в.

Ключевые слова: копченая икона, фолежные иконы, иконы-киотки, локальные традиции, копченые печати, офени, иконный промысел

Для цитирования: Доронин Д.Ю., Коровин В.Ю. Копченая икона: сажа и святость // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 70–104. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-70-104

Smoked icon. The soot and the holiness

Dmitrii Yu. Doronin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, demetra2@mail.ru*

Victor Yu. Korovin

*Voronezh State University, Voronezh, Russia,
kometkin@mail.ru*

Abstract. The article describes the formation and functioning of one of the little-known local centers for the craft of popular icons in the Lukoyanovsky district of the Nizhny Novgorod province. Here, in the early 1870s, the peasants of the villages of Nikolay-Dar and Tolsky Maidan began to produce and sell foil icons. The impetus for the foundation of the new craft was a pilgrimage trip of peasants to Voronezh, from where new technologies for the icons production using smoked seals were transferred to the Nizhny Novgorod province. Such seals were used to make serial imprints with soot on foil. The case of the Lukoyanov foil icons is of undoubted interest, since it can show how Christianized colonies, large monopolistic centers of production and trade of icons and local crafts were interconnected. The main sources on the history of the “Lukoyanov folezhki” (foil icons) are two short articles from two issues of the “Nizhny Novgorod Collection of Papers”, edited by Gatsisky in the last quarter of the 19th century. Two authors, independently but in the same local journal, with an interval of 13 years published descriptions of the local icon craft. The authors of the article compare those two descriptions and find out the specifics in constructing the foil icon research narratives. Thus, the article, analyzes not only the icon trade, but also its descriptions made in the 19th century.

Keywords: smoked icon, foil icons, icons in image cases, local traditions, smoked seal-stamp, itinerant merchants (ofeni), icon craft

For citation: Doronin, D.Yu. and Korovin, V.Yu. (2025), “Smoked icon. The soot and the holiness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–104, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-70-104

Нижегородской фольжной иконе-киотке советского времени за последние несколько лет посвящено значительное количество (более полутора десятков) публикаций, а также одна диссертационная работа¹. В исследовательской литературе кустарная фольговая

¹ *Доронин Д.Ю.* «Советская икона» как социокультурный феномен (по материалам нижегородского региона): Дис. ... канд. ист. наук. Российский государственный гуманитарный университет, 2023. 225 с.

икона-киотка эпохи СССР получила название *советская икона*. Наиболее полный анализ этого явления был дан в монографии Д.И. Антонова и Д.Ю. Доронина 2023 г.; в ней же было описано семь локальных традиций советской иконы нижегородского юга и юго-запада [Антонов, Доронин 2023]. Другие публикации проектной команды Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ были посвящены более глубокому освещению тем, связанных с советскими иконами как культурным и материальным явлением: истории промысла, отдельным локальным традициям, нарративам семейной памяти и биографиям мастеров, конфликтам семиотических идеологий вокруг иконного промысла, методологическим аспектам его изучения².

Без преувеличения можно сказать, что исследование локальных традиций кустарной народной иконы даже в пределах одного региона – трудновыполнимая задача не на один год³. К настоящему дню даже нижегородские локальные традиции изучены неравномерно: наиболее хорошо описаны кулебакские, ардатовские, арзамасские и дивеевские «пошибы» советской иконы, исследован их мордовский (эрзянский) субстрат, а также визуальный язык орнамента «мордовских икон», то есть советских икон нижегородской эрзи в Первомайском и Шатковском районах⁴. Не описаны или мало изучены фолежные иконы севера, востока и юго-востока Нижегородской области⁵. Здесь при планировании дальнейших экспедиций мы с благодарностью используем наблюдения и (увы, редкие) публикации нижегородских краеведов и этнографов, в которых содержатся данные по мастерам и иконам более восточных традиций, например, из не посещенных нами сел Починковского, Лукояновского и Первомайском районов⁶ [Александрова, Туманова 2012].

² См. [Антонов 2022; Антонов 2024; Антонов, Завьялова 2024; Антонов, Доронин 2022; Антонов, Доронин, Завьялова 2024; Антонов, Тюнина 2022; Доронин 2024а].

³ См. также [Стомаченко 2003; Горюшкина 2021].

⁴ Об эрзянском субстрате и мордовских фолежных иконах см. [Доронин 2022; Доронин 2023; Доронин 2024b; Доронин, Завьялова 2023].

⁵ О нижегородских фолежах северных нижегородских районов, см. [Доронин 2024с; Доронин 2018].

⁶ О фольговых иконах нижегородского юго-востока – Починковского района (с 2020 г. – Починковский муниципальный округ) см. краткую заметку в популярном иллюстрированном издании: Александрова О.И., Туманова А.О. Роскошное украшение // Нижегородский коллекционер. 2013. № 3 (7). С. 27–28.

История становления локальных традиций советских икон тоже изучена очень поверхностно и фрагментарно – здесь исследователя могут ожидать интересные открытия. Одному такому кейсу посвящена данная статья. Речь пойдет о становлении локального центра промысла фолежных икон (их производства и офенной торговли) во второй половине XIX в. в Лукояновском уезде⁷ Нижегородской губернии. Его земли до конца XVI в. представляли собой малозаселенные лесистые территории, традиционно обжитые мордовскими народами (эрзей и, в меньшей степени, мокшей). После взятия в 1552 г. Казани Иоанном IV Грозным начались процессы русской колонизации и христианизации края.

Кейс «лукояновских фолежек» представляет несомненный интерес, поскольку может показать, как были связаны между собой христианизируемые колонии, крупные центры-монополисты производства, торговли иконами и местные промыслы. Иными словами, хотя бы очень кратко, но можно изучить, как уже в XIX в. (а, может быть, и раньше) на нижегородском юге возникали свои локальные традиции фолежной иконы. Известно, что нужда в иконах на колонизируемых территориях «дикого поля» и новокрещеных «инородцев» в основном восполнялась крупными ремесленными центрами расхожих икон⁸. Для мордовских земель нижегородского юга основным таким центром была так называемая суздальщина, т. е. Холуй, Палех и Мстёра – ремесленные слободы и окружавшие их деревни в Вязниковском уезде Владимирской губернии [Доронин 2022; Доронин 2024a]. Уезд этот находился на другом берегу реки Оки, гранича таким образом с нижегородчиной. Поэтому «вязниковские» расхожие иконы проникали на нижегородский

⁷ В 1929 г. Лукояновский уезд преобразован в район, в 1957 г. район укрупнен – к нему присоединена часть территорий Большемаресевского и Разинского районов Горьковской и Арзамасской областей, в 2022 г. район преобразован в Лукояновский муниципальный округ. Площадь Лукояновского округа 1890,69 км², на юге и юго-востоке он примыкает к Большеболдинскому и Починковскому муниципальным округам, на севере и северо-востоке граничит с Гагинским, на западе – с Шатковским муниципальными округами и городским округом Первомайск Нижегородской области, на юго-западе – с Ельниковским районом Республики Мордовии.

⁸ Расхожие иконы – это термин, широко используемый уже в XIX в. для обозначения разных форм недорогих икон массового производства (писаных «краснушек», «чернушек», щепных, подкладных, печатных на бумаге или жести), изготавливаемых для крестьян и бедных городских слоев. Фолежные, то есть украшенные, убранные дешевой фольгой, иконы в XIX–XX вв. были разновидностью расхожих икон.

юг быстро и беспрепятственно – с торговцами-офенями по Оке и старым трактам, соединяющим Вязники, Муром, Выксу, Кулебаки, Ардатов, Арзамас, Дивеево и более восточные селения – Ташино, Шатки, Лукоянов, Болдино, Починки и т. д. вплоть до Казани [Доронин 2024с]. Однако, несмотря на «вязниковского» монополиста, в Лукоянове на рубеже 1860–1870 гг. возник местный ремесленный центр производства фолежных икон и собственной офенной торговли ими. Задача этой статьи – проследить на разных материалах, как появился и развивался этот центр. Интересна не только его история (в необычной связи с южнорусскими землями Воронежской губернии), но и сам вид этих икон – они относятся к полностью исчезнувшей разновидности фолежных икон XIX в., к так называемым копченым иконам. За этим названием лежала весьма архаичная технология нанесения изображения, забытая мастерами-иконниками за ненадобностью к началу XX в. Но смогли ли эти «копченые иконы» как-то повлиять на дальнейшее развитие расхожих фолежных икон, или они исчезли, так и не оставив после себя никакого наследия? Как конструировались нарративы описания этого промысла у исследователей, работавших полтора века назад, что они считали в нем важным? Обратимся к анализу источников.

Исследовательские нарративы: как описывали промысел в XIX в.?

Основные источники по истории «лукояновских фолежек» – это две небольшие статьи из двух номеров «Нижегородского сборника Гациского»⁹ последней четверти XIX в.¹⁰ Два автора, независимо

⁹ Полное название этого издания – «Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря Комитета А.С. Гациского». Александр Серафимович Гациский (1838–1893) – исследователь Нижегородского края, писатель, статистик, земский и общественный деятель, секретарь Нижегородского статистического комитета, председатель губернской ученой архивной комиссии. В 1867–1891 гг. он издал десять томов «Нижегородского сборника», четыре последних тома которого были посвящены попутному описанию кустарных промыслов Нижегородской губернии. Так, благодаря организаторской деятельности Гациского, до наших дней дошли два описания лукояновского иконного промысла.

¹⁰ Вторичными по отношению к публикациям «Нижегородского сборника» являются некоторые другие источники XIX–XX вв., например, статья в словаре Брокгауза–Ефрона, см.: А.Ф.С. Лукоянов // Брокгауз Ф.А.,

друг от друга, но в одном краеведческом издании и с интервалом в 13 лет опубликовали описания местного иконного промысла. Оба называют одни и те же населенные пункты, в которых он возник – «в селениях Николай-Даре (оно же Скопино) и Тольском Майдане», в нескольких верстах от уездного города Лукоянова.

Тщательность и подробности описаний свидетельствуют о личных наблюдениях авторов. Эти описания пространны и насыщены многочисленными фактами, их жанр можно назвать гибридным, поскольку они совмещают в себе черты литературного, публицистического и научного текста. Кем они сделаны? Типичными краеведами XIX в. – священником Г.Н. Гуляевым из лукояновского села Василёв-Майдан¹¹ и А.И. Звездиным, городским провинциальным чиновником¹² из священнического же рода. Оба автора входили в одну исследовательскую сеть А.С. Гацкого и, согласно научной и общественной моде того времени, были увлечены этнографией, экономикой и статистикой в описании хозяйственных форм, материальной и нематериальной культуры народов края.

В ту эпоху не было единой модели описания иконного промысла, и термины, используемые разными авторами, тоже отличались. В зависимости от своего образования и ориентируясь на описания других промыслов, авторы пытались осветить широкий круг тем: тип промысла, его историю, географию и, говоря современным языком, его инфраструктуру и экономику, включая его связь с офенной, ярмарочной, монастырской и другими формами торговли. Они подробно описывали материалы и технологии, инновации, используемые мастерами, внешний вид и типы производимых ими артефактов. Небезынтересно было и то, что исследователи XIX – начала XX в. обращали внимание на эмные термины кустарей, торговцев, цензоров и потребителей, а также на критику, конфликты и (говоря современным языком) на различные семиотические идеологии, сопутствовавшие иконному делу.

Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 35: Лопари – Малолетние преступники / под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Тип. Акционерного общества «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1896. С. 95–97.

¹¹ В настоящее время это село известно как Василев Майдан и относится к Починковскому району Нижегородской области. Полное имя-отчество и годы жизни священника Гуляева выяснить не удалось, его известная фотография, выполненная М.П. Дмитриевым, датирована 1893 г.

¹² Андрей Иванович Звездин (1863–1927), нижегородский краевед, педагог и чиновник в сфере образования, член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Родился и вырос недалеко от описываемых им сел – в с. Шутилово Лукояновского уезда (с 1929 г. в Первомайском районе).

Как уже было сказано, эти два описания разделяют 13 лет, поэтому очевидно было сразу предположить, что, сопоставив их, мы сможем получить информацию об изменении промысла – его эволюции, социально-экономическом развитии или угасании. Другой наш интерес, когда мы обнаружили две статьи о лукояновских иконах, заключался в сравнении исследовательских нарративов обоих авторов. Поэтому нам было интересно представить два структурных описания этих нарративов и сопоставить их в одной таблице, чтобы, по возможности, выявить их отличительные особенности. В приложении к нашей статье опубликована таблица, в которой дано полное структурное сопоставление этих двух нарративов, а также приводится их краткая характеристика.

В 1877 г. священник Г.Н. Гуляев сделал первое описание промысла лукояновских фолежек. Он был на поколение старше А.И. Звезда, поэтому смог наблюдать первые годы развития промысла и выяснить подробную историю его возникновения, вероятно, со слов местных жителей. Промысел «копченых икон» (а, точнее, его идея) пришел из Воронежской губернии (мы подробно рассмотрим это в следующем разделе статьи), заменив собой предыдущий промысел – «явился, в замен прежняго бурлачества»¹³. Интересно, что для обоих авторов этот промысел – прежде всего торговля («явился новый род промышленности – торговля иконами»¹⁴), и в основном их описания посвящены разнообразным аспектам и подробностям этой торговли. Несмотря на то что продаваемые иконы производились в местных мастерских, описания этих мастерских, мастеров, оборудования и устройства производства икон отсутствует. Авторы ограничиваются лишь очень кратким описанием технологии и внешнего вида «копченых икон».

Такой перекосяк в экономику и повседневность торговли странен для современного исследователя «биографии вещи»: мы бы, конечно же, подробно изучили и описали все этапы иконного промысла – от путей получения сырья, его обработки в производстве до отношений между участниками промысла и при последующей продаже произведенных артефактов. Кроме того, «для современного уха» понятия «промысел» и «промышленность» связаны не с торговлей, а с добычей или изготовлением чего-либо. Однако для авторов XIX в. торговля иконами – это именно промысел, поскольку они исследуют

¹³ Гуляев Г.Н. О торговле иконами в Лукояновском уезде Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом / под ред. А.С. Гациского. Т. 6. Н. Новгород: Тип. Нижегородскаго губернскаго правления, 1877. С. 245.

¹⁴ Там же.

офенную торговлю, которую воспринимают как разновидность *отхожего промысла*. Исторически офенное дело – это сезонная отхожая торговля бродячих, странствующих по деревням торговцев: «Из отхожих промыслов в Лукояновском уезде обращает на себя особенное внимание <...> торговля иконами»¹⁵. Поэтому такая торговля иконами для этнографов и экономистов XIX в. попадала в разряд промыслов. Именно офени-иконщики создавали наиболее очевидную и значительную часть капитала иконного дела, а их деятельность среди населения была ярче и заметнее, чем деятельность мастерских. Поэтому авторы в XIX в., описывая экономику и организацию иконного промысла, зачастую сосредотачивались на самой важной, с их точки зрения, его части – на иконной торговле.



Ил. 1. Фрагмент фотопортрета священника Г.Н. Гуляева. Фотограф М.П. Дмитриев (Нижегородская губерния, Лукояновский уезд, с. Василев-Майдан, 1893 г.).

На этом фрагменте хорошо видны фолежные иконы-киотки XIX в. в красном углу позади священника¹⁶

Краткую структуру очерка Г.Н. Гуляева можно передать следующим образом: от вводных общих слов о промысле (его локализация, новизна, развитая сложность, прибыльность, динамичность разви-

¹⁵ *Звездин А.И.* Торговля иконами в Лукояновском уезде Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом / под ред. А.С. Гациского. Т. 9. Н. Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления, 1890. С. 439.

¹⁶ Фотография из альбома документальных фототипий М.П. Дмитриева, см.: [Лист 15] Священник села Василева-Майдана, Лукояновского уезда, Г.Н. Гуляев // Неурожайный 1891/92 г. в Нижегородской губернии. Фотографии с натуры М. Дмитриева. Н. Новгород, изд. фототипии М. Дмитриева, 1893. 1 л. обложка; 44 л. фототипий.

тия) он переходит к истории его возникновения¹⁷ и дальнейшему развитию через серию географических расширений, упоминает мастерские и дает описание технологии, внешнего вида и разновидностей копченых икон. Затем следует критическая часть, из которой можно почерпнуть данные о семиотических идеологиях и конфликтных ситуациях вокруг этих икон; рассказано об их непрочности, недолговечности и о технологиях, которые позволяли офеням успешно торговать ими. В этой связи описываются сопутствующие товары (помимо основного товара – икон) и дальние регионы, откуда они закупаются и где затем продаются лукояновскими офенями. Следующая часть посвящена денежной и натуральной экономикам офенной торговли, а также ее инфраструктуре, природным и социальным условиям, характеристике покупателя и действиям торговца. В заключении сообщается о позитивных («многих вывела из нищенства», «поставила на ноги»¹⁸) и негативных сторонах торговли иконами, в частности о пристрастии офеней к водке и их отношениях с кредитующими их иконными мастерскими.



*Ил. 2. Автор второго очерка (1890 г.) по лукояновскому локальному промысловому центру «копченых икон»
Андрей Иванович Звездин (1863–1927),
нижегородский краевед и деятель образования*

¹⁷ Ни Г.Н. Гуляев, ни А.И. Звездин не дают точной датировки возникновения промысла «лукояновских фолежек», но их описания косвенно приводят к заключению, что это было начало 1870-х гг. или конец 1860-х гг.

¹⁸ *Гуляев Г.Н.* Указ. соч. С. 248.

Очерк А.И. Звездина (1890 г.) более краток: автор не говорит об истории и контексте возникновения промысла, а сразу сообщает о нескольких мастерских, технологиях и разновидностях изготавливаемых икон. Затем он более подробно рассказывает о торговле иконами: количестве и типах местных продавцов («постоянные» и «временные»¹⁹), денежной экономике иконной торговли, сопутствующих товарах и регионах, в которых они закупаются. Сообщается кратко об инфраструктуре торговли, однако почему-то без описания путей и регионов офеней-отходников, как будто бы это торговля была только местной. Если в очерке Г.Н. Гуляева перед нами предстает именно отхожий промысел с указанием рек, сибирских мест и даже кратким портретом сибирского покупателя, то А.И. Звездин ограничивается общей фразой: «Торговля иконами производится повсеместно и большею частию в зимнее время»²⁰. Возможно, вместо пространного рассказа Г.Н. Гуляева он хотел дать короткую словарную статью, характеризующую производство и торговлю иконами именно как местный (Лукояновского уезда) промысел. Важной темой для автора является соотношение земледелия и отхожего промысла в хозяйственной деятельности кустарей: здесь он пишет о качестве местной земли, их крестьянских наделах, величине неоплаченных земельных податей и причинах проблем в земледелии кустарей («неурожаи нескольких лет подряд», «склонность к спиртным напиткам»)²¹. Как и Г.Н. Гуляев, он сообщает о позитивном социальном эффекте от промысла и общими словами позитивно прогнозирует дальнейшее его развитие: «При неурожаях, как мы видели, промысел много помогает крестьянам, и, судя потому, с какой охотою занимаются им крестьяне, можно утверждать, что в будущем ему предстоит большее развитие и процветание»²².

В обоих исследовательских нарративах нижегородских краеведов для нас наиболее интересны две темы: технология «копченых икон» и географическое распространение промысла – от Воронежской губернии и лукояновских сел при его становлении до приграничных с Китаем районов Восточной Сибири в его развитой фазе. Рассмотрим эти темы подробнее.

¹⁹ Звездин А.И. Указ. соч. С. 439.

²⁰ Там же. С. 440.

²¹ Там же. С. 441.

²² Там же.

«Адская саж» лукояновских иконщиков

В своем очерке Г.Н. Гуляев упоминает две иконных мастерских в лукояновском Николай-Даре и отмечает, что «производимые в этих мастерских иконы отличны от всех других икон, какие мы видим у торговцев владимирских»²³ (т. е. закупаемых у кустарей «суздальщины»). Дальше он дает очень краткое описание изготовления икон, которых мы можем назвать «копчеными» (по основной технологии) или «сажными» (по основному материалу). Изображения на таких иконах были монохромными, наносились они сажей, а технология нанесения была перенесена от старинных копченых печатей. Принцип работы таких печатей заключался в том, что печатать коптилась на свече, и с помощью образовавшийся на ней сажи производился отпечаток на бумаге или другом материале. Таким образом, изготовление икон по такому принципу множественного отпечатка (оттиска) соединяло архаичные и инновационные черты: с одной стороны, оно восходило к простоте материала и древней печати, но, с другой стороны, эта технология была типичной для мастеров расхожих икон нового времени с их ориентацией на поточное и конвейерное (т. е. массовое и максимально удешевленное) производство.

Для того чтобы новая расхожая икона была востребованным товаром, необходимо было выполнение еще одного условия – икона должна быть не только дешевой и массовой, но и красивой. Поэтому отпечаток наносился на сияющий материал – разными способами обработанную фольгу (например, особыми лаками «под золото»), который был намного дешевле драгоценных металлов, но напоминал их блеском²⁴. Как пишет Г.Н. Гуляев, иконы эти «печатаются на фольге копчеными печатями», «листы с наложенными на

²³ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 245–246.

²⁴ Фольжная промышленность своими инновациями ориентировалась на иконное дело. Например, благодаря изобретению Борисом Якоби в 1838 г. технологии гальванизации со временем в распоряжении иконщиков поступает новый вид сияющей (серебряной, золоченой, медной и пр.) фольги. Как до этого изобретения, так и десятилетия после него мастера изготавливали фольжки из более ранних разновидностей недорогой фольги – медной, латунной, станиоля и др. Иконщики массово использовали дешевую прокатную фольгу (например, с вальцовых станков Подмосковья), поскольку гальванизация фольги, по всей видимости, еще несколько десятилетий оставалась дорогим производством, которое могло себе позволить не всякая иконная мастерская [Вальчак 2021; Доронин 2024с]. О промысле икон в XIX – начале XX в. см. также [Злотникова 2023].

них печатями отделяются в выбитых фольговых ризы с разными украшениями», «покрываются стеклом», «сзади заделываются тонкою доской» и «скрепляются по краям белой жестию»²⁵.



Ил. 3. Икона «Три Святителя: Митрофан, Тихон, Николай».

Конец XIX – начало XX в. Фольга, тиснение.

Вероятно, печать сажей с закрепой изображения

Частное собрание В.Ю. Коровина

Фольга оказалась важнейшем материалом в бурном развитии производства расхожих икон в XIX в. Благодаря предприимчивости мастеров «суздальщины», фольга различных видов приходит в иконный промысел, иконщики экспериментируют, изобретая разные типы фолежной иконы. Довольно быстро возникает мода на такие иконы, почти весь XIX в. – это век их необычайной популярности. По всей видимости, в первые годы своего развития технология фолежных икон не была артельной или промышленной, и далеко не все первые разновидности фолежных икон были «низовыми» и массовым. К крестьянству и городской бедноте мода на фолежные иконы пришла не только от иконщиков-артельщиков, офеней или из монастырских мастерских, ярмарки или иконных рядов. Сначала она прошла через помещичьи усадьбы [Коровин 2024, с. 102].

В течение второй половины XIX в. развивается наиболее популярная форма расхожей иконы – фолежная икона-киота, укра-

²⁵ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

шенная бумажными цветами. Именно эта форма приведет в XX в. к становлению советских икон. Однако в эпоху, когда мастера экспериментировали с новым материалом, развивались и другие формы фольговой иконы, ставшие, метафорически говоря, «тупиковыми ветвями» в ее «эволюции». Одной из таких «тупиковых форм» и была лукояновская «копченая икона».

Использование фольги в иконном промысле не всегда было прибыльным и беспроблемным: всего лишь через несколько лет после изобретения технологии фольговые иконы были запрещены «вследствие слишком дурной работы их»²⁶. Запрещались и более ранние фолешные иконы, из станиоля и латунной фольги. Первые известные нам негативные оценки фольговых икон встречаются в резолюциях митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), который в 1828 г. имел критическое суждение относительно запасов нераспроданных при соборе Троице-Сергиевой лавры фолешных образков. Свое «неодобрение» иерарх объяснял тем, что изображения святых на подобных иконах большей частью «неправильны, совсем неестественны и безобразны», да к тому же эти иконы «слишком удобно подвержены разрушению», превращаясь «из вещи священной в пренебрегаемую». По распоряжению ученого богослова оборот оставшихся фольговых икон было прекращен, а производство в Хотькове «совсем уничтожено»²⁷.

Вполне вероятно, что и в этом, более раннем случае Филарета Дроздова речь шла об образках, «выделяемых на фольге, посредством копченных печатей»²⁸, поскольку важной причиной неприятия лукояновских икон (как и в случае образков, запрещенных в Хотьково) была их непрочность. «Иконы эти на вид довольно красивы, правильны, но не совсем-то прочны. Как скоро разбивается стекло (что для крестьянских детей очень сподручно по устройству божниц), то и печать стирается, и от красивой иконы остается одна белая фольга», – читаем у Г.Н. Гуляева²⁹. Вполне вероятно, что фраза Филарета («слишком удобно подвержены разрушению») – это отсылка к той же примитивной и несовершенной технологии сажевых отпечатков.

Жалобы на плохо изготовленные, непрочные фолешные иконы появлялись и в других регионах, поскольку благодаря офеням-

²⁶ Гольцшев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871. № 47. С. 2, 4.

²⁷ Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московского. Т. 1–2. Вып. 2. М.: Душевнополезные чтения, 1903. С. 87–88.

²⁸ Звездин А.И. Указ. соч. С. 439.

²⁹ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

иконникам новые «произведения народного художественного ума» быстро распространились за пределами Нижегородской губернии. Один из корреспондентов «Вятских епархиальных ведомостей», священник Илья Беневоленский на съезде духовенства Яранского уезда сетовал, что «в домах православных передний угол уставлен иконами, напечатанными на фольге черной краской (сажей), – достаточно провести рукой, и – как ничего не бывало, все сотрется»³⁰.

Неприятие непрочных «копченых икон» и критическое отношение к ним покупателей и священства толкало офеней и производителей на хитрости, которые они снова черпали в новых научных технологиях. Улучшить все производимые иконы было по тем временам слишком дорогим предприятием, однако можно было улучшить некоторые из них – например, предъявляемые покупателю образцы. Для таких икон-образцов применялась некая химическая технология «закрепы», видимо, дорогая в те годы:

Есть иконы с так-называемою «закрепою», т. е. с которых печать не стирается; но эти иконы редки и берутся торговцами только на пробу, для тех, которые заподозривают прочность икон. Когда при продаже заходит речь о том, что иконы эти не прочны и печати стираются, тогда торговец вынимая икону с закрепкою (эта икона у него под особой меткою), позволяет разбить на ней стекло и заставляет стирать печать: так как печать положена при посредстве каких-то химических веществ, то она и не поддается уничтожению. Эта находчивость торговцев и поднимает репутацию икон³¹.

Другая проблема промысла «копченых икон» была связана с использованием сажи. Сама по себе сажа не вызывала каких-то негативных ассоциаций, традиционно она использовалась иконописцами – при изготовлении пигментов, создании прорисей, работе с припорохом или при подтушевке изображения. Однако в более современных технологиях расхожей иконы, когда сажа выступала на первый план, становясь чуть ли не главным приемом иконщика, она могла вызывать подозрение и недовольство. Среди известных в истории иконного дела случаев можно увидеть несколько «сценариев» этого недовольства – от бытового неприятия до протеста, наполненного суеверным страхом или религиозной мотивировкой.

Прежде всего не нравился или вызывал благочестивое неприятие тот факт, что икона не писалась, а печаталась (в данном случае сажей). Здесь кустарям и офеням пришлось столкнуться с крити-

³⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1894. № 2. 16 янв. С. 26–27.

³¹ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

ческой семиотической идеологией христиан-традиционалистов, не принимающих инноваций в создании священных предметов. Носителями такой идеологии в первую очередь были представители разных толков древлеправославия. Относительно неприятия «копченых икон» в очерке у Г.Н. Гуляева описан «недружеский и нерелигиозный взгляд на них старообрядцев, как на новинку, или, как говорят они: “на сажу”»³².

О неприятии старообрядцами икон, украшенных фольгой и цветами, мы слышали и в наших собственных экспедициях. Весною 2024 г. в старообрядческом селе Чернуха на юге Нижегородской области (городской округ Арзамас) нами был записан следующий диалог:

Я, допустим, видела такие иконы и в Коваксе у никониан. Приходила к подругам или к кому-то и – иконы вот. И все спрашивала: «А зачем это вы цветов-то туда под стекло наклали? На иконы-то?» У нас это <не принято было>. <А что отвечали?> Да никто ничего не знал. Больно кто-то рассказывал, что ли нам чего-то, да? Сделали там бабушки или кто-то эти иконы, а мы и сами не знаем: стоят – и стоят иконы. Ну, красиво, вроде, было смотреть, ярко, все, в цветочек сделали все.

<А давно такое ремесло было? Или, вот, до последних лет?> Ну, я вот помню это с детства в Коваксе. И это было вот только у никониан. Потому что у старообрядцев, мои все бабушки и дедушки – все старообрядцы, у моих, там, братьев и сестер есть и понеты, и поморцы, и австрийцы – таких икон ни у кого не было! <А какие были?> Вот, меднолитые были иконы, складни и – дерево.

<А какое отношение старообрядцев к иконам с фольгой и цветочками? Что бы они сказали?> Нет, этого делать не надо! Потому что все было строго у старообрядцев. Настолько все строго, Боже упаси, чтобы там чего-то кто-то прикоснулся к иконе или что-то! Нет! Ее даже чистили, перед Пасхой или чего-то, все это мыли – особенной водичкой, особенными тряпочками! И только те бабушки, которые ходят молиться в храм. Мне там никто не доверит, чтобы я почистила иконку или вот начистила крест, если он старый. Да у нас даже и в голове не было, чтоб я прикоснулась к иконе и сказала: «Дайте-ка я ее тут украшу цветами или чем!» Нет! Зашторенная иконка: когда вставали молиться – шторку отодвинули, помолились и опять зашторили! Чтоб она была неподвластна чужому глазу³³.

³² Там же.

³³ Записано Д.Ю. Дорониным весною 2024 г. в с. Чернуха (гор. окр. Арзамас) от Кудрявцевой Лидии Акимовны, 1954 г. р.

Интересно также вспомнить, что распространение слухов об «адописных иконах» в 1870-х гг. [Тарасов 1995, с. 126–127, 210–211; Иванов 1996, с. 385–391]) также было связано с неприятием и критическим отношением к расхожим фолежным иконам. Здесь, по всей видимости, тоже реализовалась критическая семиотическая идеология традиционалистов (в XIX в. в распространении таких слухов и практик порчи фолежных икон подозревали «штундистов»). Издание «Киевлянин» пересказывало распространенное в то время поверье о том, что «изображения святых на тех иконах нарисованы адской сажеею, взятой из самых челюстей пекла». Со ссылкой на это же издание газета «Московские ведомости» сообщала, что крестьяне Чигиринского уезда «не хотят держать у себя дома фольговых иконок, перестали им молиться и уничтожают их». Причиной этого стало, по слухам, обнаружение священником на оборотной стороне фольговой ризы изображения дьявола с надписью «поклонись мне 7 лет – будешь на веки мой». Местное чигиринское духовенство потребовало проверки населением всех своих фольговых икон: на обороте фольги было обнаружено еще пять изображений дьявола, а также наклеенные «разные газетные каррикатуры, представляющие человека с собачьей мордой или свиным рылом; в иных – картинки в роде Турка с трубкой во рту и пр.»³⁴.

Случаи критической негативной реакции на фолежные иконы в течение XIX в. и даже в начале XX в. происходили неоднократно [Доронин 2024a]. На рубеже веков Комитет попечительства русской иконописи безуспешно пытался запретить изготовление и продажу фолежных икон, во многом потому, что крупными изготовителями и продавцами фолежных образков были монастыри. Именно с монастырскими святыньками-евлогиями связано возникновение локального иконного промысла «копченых икон» в лукояновских селах.

От монастырских евлогий к лукояновским кустарям

Иконки, выпускаемые лукояновскими кустарями, напоминали монастырские святыньки-евлогии того времени: они были мелкими, выполненными на фольге и составными. По словам Г.Н. Гуляева, они «имеют не слишком большие размеры, так что на квадратной четверти помещаются 4 печати, т. е. 4 изображения.

³⁴ Случай с фольговыми иконами в Чигиринском уезде // Московские ведомости. 1873. № 169. 7 июля. С. 3.

Икона в 4 печати называется *четырёхличною*, в 6 – *шестиличною* и в 9 – *девятиличною*; более означенных размеров икон не видится»³⁵. Вероятнее всего, такой вид иконок, как и их технологии были заимствованы лукояновскими крестьянами от технологий монастырских. Об этом косвенным образом свидетельствует описание из очерка Г.Н. Гуляева:

Торговля эта привилась здесь случайно. Какой-то крестьянин села Николай-Дара ходил на богомолье в город Воронеж и купил там несколько образков. На обратном пути домой эти образки он сбыл и сбыл-то, как говорят, довольно выгодно, так что опять воротился в Воронеж и взял еще этих икон. И новая покупка опять благополучно сошла с рук. Дело, видит, хорошее: не трудное, а прибыльное. Пришедши домой, он подговорил с собой товарища, и они в Воронеж отправились уже вдвоем, на лошади, с целью купить там икон. Мало по малу таким образом они расторговались, пользуясь от своей торговли не малыми барышами. Глядя на них, за этот промысел взялись и другие, и торговля пошла чередом, перешедши из Николай-Дара и в Тольский Майдан. Покупка образков стала производиться уже не в Воронеже, а в Николай-Даре, где открыты теперь две мастерских. Эти иконы печатаются на фольге копченными печатями, и имеют не слишком большие размеры³⁶.

Таким образом, серия торговых поездок, закупок и продаж привела к осознанию необходимости открытия своего собственного производства. К 1877 г. в Николай-Даре работало две иконных мастерские, а к 1890 г. производство и торговля была уже расширена до уездного города: «Таких мастерских здесь было две, но не очень давно (лет 5–7 назад) хозяин одной из них³⁷, как

³⁵ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

³⁶ Там же. С. 245.

³⁷ Вероятно, речь идет о зажиточной семье Колобойников; родоначальником ее в XIX в. был Павел Колобойников, мелкий торговец-офеня, который смог на накопленные средства купить под протекцией купцов Чивкуновых в Лукоянове лавку. Лавка располагалась в городских торговых рядах – в так называемом «здании Краснорядцев», здесь Павел вел торговлю со своим сыном Егором, они также торговали церковными товарами, в том числе иконами. В Лукоянове же Егор продолжал торговлю вместе со своими сыновьями – Павлом (1847 г. р.) и Алексеем. Известно, что с конца 1890-х гг. Павел Егорович с частью родни (в том числе и со стороны семьи Карябкиных, которые тоже вели иконную торговлю) перебирается в Сибирь – в г. Нерчинск Забайкальского края. Самое крупное торговое здание Нерчинска, построенное в начале XX в., – это торговая

передавали крестьяне, перешел в г. Лукоянов и туда-же перенес мастерскую»³⁸.

Из очерка Г.Н. Гуляева также следует, что николай-дарский богомолец, по всей видимости, имел предприимчивую жилку и опыт офенной торговли³⁹. Поэтому паломнический опыт оказался не только странствием к святым местам древности и веры, но и знакомством с новейшими технологиями производства и продажи «святых товаров». Именно этот опыт принесли из своего паломничества предприимчивые лукояновские богомольцы.

Рассмотрим, по дошедшим до нас описаниям, воронежское паломничество XIX в., в котором оказались лукояновские богомольцы-офени и из которого привезли первые фолежные евлогии и идею учреждения собственного промысла.

В середине XIX в. Воронеж был центром «святого пилигримства» и местом непрерывного собрания благочестивых посетителей, «годовая сложность» которых простиралась от 100 до 40 тысяч человек⁴⁰. Уже после открытия мощей святителя Митрофана в 1832 г. и учреждения первоклассного Благовещенского (Митрофановского) монастыря (1836 г.) сюда со всех сторон России потянулись жители городов, люди разных званий и состояний (включая царственных особ). Наибольший прилив «поклонников Угодника», привлеченных «известиями о чудесах и исцелениях», наблюдался в мае, июне и сентябре, немного затихая к зиме.

усадьба купцов Колобовниковых, бывших крестьян-офеней из лукояновского Николай-Дара. Вероятнее всего, что торговля лукояновских офеней в Восточной Сибири, описанная Г.Н. Гуляевым, относится к семейному делу Колобойниковых и Карабкиных. См.: Генеалогический форум ВГД. Город Лукоянов. URL: <https://forum.vgd.ru/post/2345/126814/p4191764.htm?ysclid=m4kql39wah921347609> (дата обращения 04.12.2024). См. также: *Ольга Шарак*. История купцов Колобовниковых // Лукояновская правда. 2019. 12 июля. URL: <http://lukgazeta.ru/?p=3547&ysclid=m4kql1bs1if14266834> (дата обращения 04.12.2024).

³⁸ *Звездин А.И.* Указ. соч. С. 439.

³⁹ Участники одного из краеведческих лукояновских форумов, ознакомившись с очерком Г.Н. Гуляева, предположили, что этими паломниками были крестьяне с. Николай-Дар из породненных семей Колобойниковых и Карябкиных. См.: Генеалогический форум ВГД. Город Лукоянов. URL: <https://forum.vgd.ru/post/2345/126814/p4191764.htm?ysclid=m4kql39wah921347609> (дата обращения 04.12.2024).

⁴⁰ *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях с подробным планом города и его окрестностей. Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1866. С. 103.

Жители «окольных мест Воронежа поспешали к раке Чудотворца» в праздники – открытию честных мощей первого епископа Воронежского (7 августа ст. ст.) и преставлению Святителя (23 ноября ст. ст.). В эти дни местные архиереи с монастырской братией благословляли общую трапезу под открытым небом, с которой «многие из богомольцев (по особенным чувствам благоговения) брали хлеб к себе в дом для разделения его между своими домашними»⁴¹.



Ил. 4. Святитель Митрофан Воронежский.
Воспроизведение гравюры Н.И. Уткина 1839 г.⁴²
Частное собрание В.Ю. Коровина

По заведенной традиции, богомольцы из дальних селений добирались до Воронежа пешком – от ночлега до ночлега, лишь трудные участки пути преодолевая на «общественной лошади». Поводом к странствию в Митрофановский монастырь нередко служил обет – добровольное обещание, данное Угоднику по различным обстоятельствам: помянуть усопших, отмолить грехи, исцелиться

⁴¹ Скрябин М. О местных праздниках и крестных ходах в Воронежской губернии // Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж: Тип. губерн. правления, 1856. С. 78.

⁴² Фронтиспис в издании: Поминанье: к 200-летию со дня кончины св. Митрофана. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903.

от нечистого духа или отблагодарить за уврачевание недугов. Один такой случай в своих дневниковых записях приводит о. Вениамин (Федченков): «Когда мне было около года, я заболел воспалением легких. Надежды на выздоровление не было. Тогда мама дала обет пешком поклониться мощам святителя Митрофана Воронежского. Я поправился. Мама обет свой исполнила»⁴³.

Благочестивая ревность к памяти воронежского Святителя привела к тому, что в городе образовалась значительная «отрасль промышленности», ориентированная исключительно на приходящее население. На Московской и Мещанской улицах появились гостиницы с «рублевыми» номерами, обслуживаемые целой корпорацией извозчиков, а также постоялые и заезжие дворы, число которых к 1862 г. достигло 50⁴⁴. Для менее состоятельных богомольцев распахнули свои двери ночлежки сомнительного достоинства, располагавшиеся за монастырем в «собственных домах» сапожников, портных и мещан.

Наконец, ловкие торговцы наладили розничный сбыт реликвий, которыми паломники запасались от святых мощей Митрофана, а по возвращении домой чествовали с особым уважением. В доме Придорожных (близ святой обители) церковными вещами торговал Егор Терентьевич Беляев, здание духовной консистории (в ограде монастыря) нанимал Иван Алексеевич Попов, а иконная и книжная лавки монастыря погодно сдавались купцу Василию Михайловичу Постникову, на которого работали многие воронежские иконописцы и ремесленники [Соловьев 2017, с. 145]. Здесь богомольцы обычно приобретали гравюры с изображением честных мощей, первые фотографические изображения Благовещенского монастыря, жизнеописание святителя Митрофана и акафист Угоднику⁴⁵.

Наиболее распространенными паломническими реликвиями были нательные крестики с изображением Угодника (на оборотной стороне), кольца и перстни, образки на финифти, небольшие двусторонние иконки-ладанки, которые продавались в галерее Благовещенского монастыря и мелких лавочках на монастырской площади. Этими предметами родители благословляли детей на вступление в брак, в дальнюю дорогу, в службу или, как священный подарок, их носили вместо креста.

⁴³ Вениамин (Федченков), митр. Записки архиерея. М.: Правило веры, 2002. С. 24.

⁴⁴ Михалевич В.К. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 4: Воронежская губерния. СПб.: Департамент Генерального штаба, 1862. С. 367.

⁴⁵ Грот Я. Из поездки в Воронеж // Вестник Европы. 1870. Т. 6. С. 146.



Ил. 5. Паломническая святынька

«Вид на Митрофановский монастырь» с паломническими надписями.

Почтовая открытка № 29 из серии «Привет из Воронежа».

1900-е гг. Картон, фототипия. Воронеж: Изд. Агафонова.

Частное собрание В.Ю. Коровина

Одними из лучших «по правильности рисунка» были образки воронежского мещанина Василия Попова – оловянщика со Стрелецкого лоска, занимавшийся изготовлением церковных сосудов⁴⁶. Его ранние работы – «оттиснутые на серебряной бумаге образки в оловянной оправе», – отличались тщательной отделкой и весьма дешевой ценой⁴⁷. По всей видимости, именно эти образки дали начало лукояновским «копченым иконам».

Позже «оловянный мастер» перешел на медную фольгу, которая с середины XIX в. стала активно применяться «в обделке живописных икон». В домах состоятельных воронежцев появились моленные образы, «обложенные искусно фольгой, в киоте», а местные мастера, подобно крестьянину Александру Смирнову, освоили технику изготовления штампелей «для выбивки на них образков»⁴⁸. В 1864 г. на губернской выставке сельских произведений Василий Попов вместе с ремесленниками Петром Ковалевским и Яковом Трясоруковым представили 48 штампованных на

⁴⁶ Воронежские губернские ведомости. 1858. № 38. 20 сент. С. 303.

⁴⁷ Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. Кн. 3. Март. С. 155.

⁴⁸ Воронежские губернские ведомости. 1859. № 13. 28 марта. С. 85.

фольге образков⁴⁹. Их иконы тоже могли вдохновить лукояновских крестьян на создание своего иконного дела.

Сегодня в собраниях ведущих Российских музеев имеется несколько образцов миниатюрных икон в оловянной оправе под стеклом, которые датируются второй третью XIX в. На двухстороннем образке из фондов Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника имеются изображения святителя Митрофана и Божией Матери «Почаевская», которые «напечатаны» на цветной бумаге и заключены в прямоугольный оловянный медальон с ушком⁵⁰. В похожей манере выполнен молебельный образок из собрания Государственного исторического музея, но изображения святителя Митрофана и Божией Матери «Неопалимая Купина» нанесены на фольгу⁵¹. Наконец, следующим этапом развития фольжек подобного рода стала печать икон на медной фольге, где в плоском овалом посредине, с помощью печатных пластин, черной краской нанесен святой образ⁵².



Ил. 6. Многочастная тисненая икона-фольгушка
«Избранные святые» – наследница монастырских фольговых
образков-евлогий и «копченых икон» лукояновского типа.
Частное собрание Музея народного искусства, Ростов Великий.
Фото Д.Ю. Доронина

⁴⁹ Там же. 1864. № 4. 25 янв. С. 15.

⁵⁰ См.: Госкаталог. № 22373289.

⁵¹ Там же. № 32425900.

⁵² Там же. № 23896051, из фонда Череповецкого музейного объединения.

Заключение

«Иконы с копчеными печатями» прошли долгий путь развития, но по-настоящему массовыми так и не стали (свидетельством чему являются фондовые собрания ведущих музеев России и частные коллекции). По художественной отделке самого письма эти иконы явно уступали рукописным образам в фольговых ризах и киотах, а в последней четверти XIX в. не выдержали конкуренции с дешевыми хромолитографическими картинками, которые наклеивались на доску и украшались бумажными цветами. С конца 1890-х гг. иконный рынок наполнила продукция фирм «А. Жако и К^о» и «В.В. Бонакер» – иконы в виде штампованных жестяных пластинок, украшенных цветными картинками, которые сверкали блеском «самоварного золота».

Видимо, в это же время появляются некоторые типы «фольгушек», которые своим внешним видом отдаленно напоминали первые «лукояновские фолежки» – это небольшие по размеру хромолитографические образки с чеканной ризой (в неизменной жестяной рамке под стеклом) и многочастные тисненные иконы «Избранные святые»⁵³. Некоторые из поздних форм послужат образцами для создания советских икон с фолежными ризами из алюминиевой фольги.

Таким образом, ранние формы фолежных икон не исчезли, но оказали влияние на последующие их разновидности. Характерно, что и в лукояновских селах промысел фольговых икон не прекратился: даже в начале XXI в. в Тольском Майдане фольгой обряжала иконы известная пожилая образовница – бабушка Александра (Корнилова) [Александрова, Туманова 2012, с. 114]. По всей видимости, ее можно считать восприемницей ремесленных традиций местных мастеров-иконщиков XIX в.

⁵³ См.: Госкаталог. № 20995164, собрание «Куртамышского краеведческого музея им. Н.Д. Томина».

Приложение

Структура описания
лукояновского промысла «копченых икон»Структура описания
лукояновского промысла
«копченых икон» в 1877 г.
(по Г.Н. Гуляеву)

1. *Место локализации* («в Лукояновском уезде, в селениях Николай-Даре (оно-же Скопино) и Тольском Майдане»)
2. *Промысел современный* («с недавнего времени», «новый род промышленности», «новинка»)
3. *Заменил собой предыдущий промысел* («в замен прежнего бурлачества»)
4. *Промысел как торговля иконами* («новый род промышленности – торговля иконами»)
5. *Развитая сложность промысла* («занимающая теперь не малое число лиц»)
6. *Прибыльный и динамично развивающийся промысел* («обещающая еще более развиться в будущем». «Думать так, по крайней мере, заставляют те барыши, которые выручаются торговцами»)
7. *Случайный характер возникновения промысла* («Торговля эта привилась здесь случайно»)
8. *Неизвестность основателя* («какой-то крестьянин села Николай-Дара»)
9. *Первое географическое расширение и усложнение промысла* («ходил в город Воронеж», «опять воротился в Воронеж», «в Воронеж отправились уже вдвоем»)

Структура описания
лукояновского промысла
«копченых икон» в 1890 г.
(по А.И. Звездину)

1. *Тип промысла* («из отхожих промыслов в Лукояновском уезде»)
2. *Место локализации* («в Лукояновском уезде», «в селениях: Николай-Даре (Скопино-тож) и Тольском Майдане»)
3. *Промысел как торговля иконами* («из отхожих промыслов ... – торговля иконами в селениях»)
4. *Особенный промысел* («по своей исключительности»)
5. *Промысел современный* («по своей ... относительной недавности»)
6. *Промысел как производство икон* («в настоящее время одна мастерская», «в которой занимаются производством различного рода икон»)
7. *Технологии производства иконы нового типа* («икон, выделяемых на фольге», «посредством копченых печатей»)
8. *Изменение со временем промысла как производства* («мастерских здесь было две, но не очень давно (лет 5–7 назад) хозяин одной из них ... перешел в г. Лукоянов»)
9. *Первое географическое расширение и усложнение промысла* («в Николай-Даре ... мастерских было две, но хозяин одной из них перешел в г. Лукоянов и туда-же перенес мастерскую».)

10. *Развитие промысла из паломничества* («какой-то крестьянин села Николай-Дара ходил на богомолье в город Воронеж и купил там несколько образков»)
11. *Развитие промысла из офенного дела* («в город Воронеж и купил там несколько образков. На обратном пути домой эти образки он сбыл и сбыл-то, как говорят, довольно выгодно, так что опять воротился в Воронеж и взял еще этих икон. И новая покупка опять благополучно сошла с рук. Дело, видит, хорошее: не трудное, а прибыльное. Пришедши домой, он подготовил с собой товарища, и они в Воронеж отправились уже вдвоем, на лошади, с целью купить там икон. Мало по малу таким образом они расторгались, пользуясь от своей торговли не малыми барышами».)
12. *Повышение экономической эффективности* («довольно выгодно», «дело хорошее / не трудное / прибыльное», «расторгались», с «не малыми барышами»)
13. *Второе географическое расширение и усложнение промысла* («за этот промысел взялись и другие», «торговля пошла чередом, перешедши из Николай-Дара и в Тольский Майдан»)
14. *Третье географическое расширение и усложнение промысла* («покупка образков стала производиться уже не в Воронеже, а в Николай-Даре, где открыты теперь две мастерских»)
15. *Промысел как производство икон* («открыты теперь две мастер-
10. *Разновидности расхожей иконы нового типа* («иконы распределяются, так сказать, на 5 различных сортов по величине и числу изображаемых на них лиц, с различными ценами на каждый сорт»)
11. *Отношения мастерских и офеней в экономике промысла* («в этих мастерских обладающие таким или иным капиталом закупают известное количество икон и распродают их по разным местам»)
12. *Количество и типы офеней-иконников* («таких продавцев в Николай-Даре считают до 25 ч и в Тольском Майдане до 20», «не все они занимаются своим промыслом одинаково и постоянно», «некоторые из них слывут за «постоянных», а некоторые за «временных»)
13. *Денежная экономика офенной торговли иконами* («нельзя точно определить на каких суммах производится торговля иконами», «смотря по состоянию каждого из них, капитал простирается от 100 р. <рублей> до 500 р.»)
14. *Кредиты офеней в мастерских* («нередко продавцы забирают иконы в мастерских «по доверию», выплачивая [изготовителю] известную сумму, на которую взято икон, уже потом, после долгого странствования и распродажи товара»)
15. *Сопутствующие товары* («и картины, и книжки, и крестики (медные и роговые), и пояски (с различными надписями), и шнурочки с иголками»)

- ских», «производимые в этих мастерских иконы»)
16. *Отличие этих новых расхожих икон от всех вязниковских* («отличны от всех других икон, какие мы видим у торговцев владимирских»)
17. *Технологии производства иконы нового типа* («печатаются на фольге копчеными печатями», «отделяются в выбитыя фольговья ризы с разными украшениями», «покрываются стеклом», «сзади заделываются тонкою доской», «скрепляются по краям белой жостью», «печать положена при посредстве каких-то химических веществ»)
18. *Технологии продажи иконы нового типа* («иконы с так-называемую «закрепоу», «икона под особой меткою», «икона на пробу», «дозволяет разбить на ней стекло и заставляет стирать печать», «находчивость торговцев поднимает репутацию икон»)
19. *Внешний вид расхожей иконы нового типа* («имеют не слишком большие размеры, так что на квадратной четверти помещаются 4 печати, т. е. 4 изображения...; более означенных размеров икон не видится. Листы, с наложенными на них печатями, отделяются в выбитыя фольговья ризы с разными украшениями, покрываются стеклом, а сзади заделываются тонкою доской и скрепляются по краям белой жостью. Иконы эти на вид довольно красивы, правильны, но не совсем-то прочны»)
16. *Тип продавца* («деревенский торгаш»)
17. *Экономический успех торговли* («вся эта мелочь также охотно разбирается, как и иконы», «данный промысел никогда не заставляет беспокоиться продавцев, относительно успешного сбыта и порядочной прибыли от распродажи»)
18. *Второе географическое расширение промысла и усложнение промысла* («картины и книжки покупаются торговцами в Москве, или на нижегородской ярмарке или во Мстере»)
19. («надобно помнить, что главным *Иконы – главный товар* предметом торговли их служат иконы»)
20. *Денежная экономика и прибыль в офенной торговле иконами* («Если мы возьмем средний капитал в 300 рублей и распределим его так, что 250 р. расходуются на образки различной величины и формы, а 50 р. на остальные предметы торговли, то придем к следующим выводам. Считая среднюю ценою покупку икон по 15 к. <копеек>, торговец купит до 1500 икон (или до 1700) различного формата; об остальных мелочах не следует и говорить, так как дешевизна их известна каждому; между тем средняя цена при продаже – 20–25 к., так что торговец от продажи икон получит вместо 250 р., – уже 325–350 р.; прибавим к этому 15–20 р. прибыли от различного рода мелочей, тогда чистая прибыль будет колебаться между

20. *Разновидности расхожей иконы нового типа* («икона в 4 печати называется четырехличною, в 6 – шестиличною и в 9 – девятиличною»)
21. *Непрочность икон нового типа* («но не совсем-то прочны», «скоро разбивается стекло», «печать стирается», «от красивой иконы остается одна белая фольга», «сомнительная прочность икон»)
22. *Критика, подозрение, неприятие икон нового типа* («которые заподозривают прочность икон», «при продаже заходит речь о том, что иконы эти не прочны и печати стираются», «недружеский и нерелигиозный взгляд на них старообрядцев, как на новинку или, как говорят они: «на сажу»)
23. *Усложнение промысла: сопутствующие товары как ответ на неприятие новых икон* («в продаже вместе с иконами на фольге, появились картины, тоже отделанные в фольговые ризы»)
24. *Внешний вид, материалы и технологии сопутствующего товара – фолезных картин* («картины, тоже отделанные в фольговые ризы», «картины эти тоже небольших размеров: лик и руки изображаемого на них лица отделяются обыкновенно отчетливо, а остальная фигура остается в беле (в одном наброске) и закрывается ризою. Отделка та же, что и на иконах. ...Изображенные на них лица и события большей частью правильны»)
- 75 и 120 р., что, конечно, составляет значительную подмогу в жизни крестьянина»)
21. *Инфраструктура торговли: содержание торговцев в пути и во время торговли* («На прокорм себя и лошади на стороне продавец не потратит больших денег; очень часто случается, что они кормятся и даром, благодаря набожности и радушию народа»)
22. *Денежная экономика и офенной торговли иконами, картинами и книгами* («иконы, картины и книжки продаются и в розницу и десятками», «десяток икон небольшого размера продают за 3 р., больше по – 5 р., еще больше – 10 р.; наконец лучшей работы за 14 р. Книжки от 30 к. до 3 р.; картины лубочные 60–70 к. за 100; литографированные – 4 р. и хромофотографированные – 5 р.»)
23. *Рост промысла благодаря прибыли от производства и торговли иконами и картинами* («благодаря прибыльности от обработки и продажи икон и картин, количество рабочих лиц заметно увеличивается с каждым годом»)
24. *Природа и инфраструктура офенной торговли* («обычным временем для торговли на стороне служит зима»)
25. *Проблемы земледелия у кустарей* («в летнее время кустари занимаются земледелием», «в Тольском Майдане и Николай-Даре земля довольно хорошая», «не везде наделом крестьяне довольны», «надел получен по 1^{1/2} дес. на душу», «не смотря на при-

25. *Четвертое географическое расширение промысла и усложнение промысла* («картины привозятся с нижегородской ярмарки и из Москвы»)
26. *Пятое географическое расширение и усложнение промысла* («торговля иконами производится большею частью в сибирских губерниях», «в северо-восточной и восточной полосе России», «Сибирь-же и пограничные местности с Китаем – главное место сбыта»)
27. *Объяснение экономического успеха через описание жителей Сибири* («это потому, что там подобные вещи редки, а народ-то простоват и не скуп, а пожалуй и более набожен, чем у нас, а это главные условия для подобного рода торговли», «цена иконам, сравнительно с домашними ценами, там тройная»)
28. *Денежная экономика офенной торговли иконами* («цена иконам, сравнительно с домашними ценами, там тройная», «икона в 9 лиц, стоящая здесь в покупке 20 к., продается там торговцем за 60, или 80 к., 4-личная икона в 12 к., продается там по 30 и 35 к.»)
29. *Натуральная экономика офенной торговли иконами* («а еще выгоднее она сбывается, когда меняется на местные продукты – пшеницу, овес, холст, мерлушку и даже женские волосы. Торговцы все берут по дешевой и уменьшенной цене, продают-же набранный товар там, где им выгоднее бывает продать»)
- быльность промысла, накопилось довольно значительная сумма недоимок», «причины видимой несостоятельности крестьян кроются отчасти в жизни самого народа, отчасти в внешних обстоятельствах», «главные причины – это неурожаи нескольких лет под ряд»)
26. *О пристрастии части офеней к водке* («здесь развита склонность к спиртным напиткам»)
27. *Позитивный социальный эффект промысла* («при неурожаях промысел много помогает крестьянам», «с какой охотой занимаются им крестьяне»)
28. *Прогнозирование по развитию торговли этими иконами* («судя потому, с какой охотой занимаются им крестьяне, можно утверждать, что в будущем ему предстоит большее развитие и процветание»)

30. *Природа и инфраструктура офенной торговли* («торговля производится большею частью зимою, когда возможен бывает везде проезд, и время свободно от работ», «товар отправляется на возах», «иногда и водою через Нижний, по Волге и Каме»)
31. *Приемы и обустройство офенной торговли на местах* («иконы разносятся по домам в коробках», продаются с выгодой женщинам)
32. *Портрет главного покупателя* («женщины – главнейшие и выгоднейшие покупатели», «они религиознее мужчин», «чаще их бывают дома», «плохо знают цену вещам»)
33. *Товары офенной торговли в Сибири* («картины, книжки, ладан, крестики, пояски, гаруски, иголки, пуговицы и т. п. мелочь»)
34. *Экономическая выгода офенной торговли всем этим товаром в Сибири* («весь этот товар продается в Сибири по двойной цене, сравнительно с здешними, и дает тоже не малую выгоду торговцам»)
35. *Инфраструктура торговли: содержание торговцев в пути и во время торговли* («содержание обходится им большею частью даром», «купивший икону считает за необходимое... напоить и накормить продавца», «сено для лошади всегда почти приобретается даром»)
36. *Общий вывод по экономике торговли этими иконами* («берут товару сот на пять или на шесть, иные на сто, на двести, и случается... на 500 р.», «получается

до 300 чистаго барыша», «это в течении... 8 или 9 месяцев», «торговля не безобидная»)

37. *Кредиты офеней в мастерских* («торговцы кредитуются в мастерских тысяч на 20 р., «не весь-же товар они берут в кредит», «вероятно ... половину за него уплачивают», «оборот торговли достаточный»)
38. *Прогнозирование по развитию торговли этими иконами* («покажет время»)
39. *Позитивный социальный эффект торговли иконами* («торговля иконами многих торговцев вывела из нищенства, из лежебочества», «поставила их на ноги»)
40. *Социально-экономический негатив в безпромышленных селениях* («нищенство», «лежебочество, которое так свойственно безпромышленным селениям»)
41. *О пристрастии части офеней к водке* («она-то их через чур разоряет»)
42. *Проблемы отношений офеней-иконниками с иконными мастерскими* (водка офеней «лишает в мастерских кредита»)

Литература

- Александрова, Туманова 2012 – Александрова О.И., Туманова А.О. Украшение икон фольгой и бумагой в южных районах Нижегородской области (по материалам этнографических экспедиций музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Святые земли Нижегородской: Монастыри: Материалы II региональной научно-практической конференции / редкол.: Е.Б. Андреева и др. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 110–114.
- Антонов 2022 – Антонов Д.И. Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 155–164.
- Антонов 2024 – Антонов Д.И. Икона «гнездо»: История комплексных святых: от храмовых икон до советских «киотов» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов, Доронин 2022 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Доронин 2023 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023. 264 с.
- Антонов, Доронин, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Советские иконы: Методическое пособие по организации исследовательских работ. М.: Индрик, 2024. 64 с.
- Антонов, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Завьялова А.И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.
- Антонов, Тюнина 2022 – Антонов Д.И., Тюнина С.Ю. Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 94–109.
- Вальчак 2021 – Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подкладные (фолевные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (дата обращения 02.02.2024).
- Горюшкина 2021 – Горюшкина Л. П. Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // Деревенские святые: Сб. статей, интервью и документов / публ. подгот. Е.В. Воронцова, А.Н. Алленов, В.С. Елагина, Е.А. Коршикова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Доронин 2022 – Доронин Д.Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин 2023 – Доронин Д.Ю. Шилокша – село образовников: между монастырем и трактом // Живая старина. 2023. № 1. С. 35–40.
- Доронин 2024а – Доронин Д.Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60.

- Доронин 2024b – Доронин Д.Ю. «Мордовские иконы»: к вопросу о генезисе традиции обряжения фолежных икон на нижегородском юге // Вопросы исторического и экологического регионоведения: Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической конференции: В 2 т. Арзамас, 21–22 марта 2024 г. М.: ООО «Эдитус», 2024. С. 165–175.
- Доронин 2024с – Доронин Д.Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.
- Доронин, Завьялова 2023 – Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Цветы Липовки: ардатовская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 32–55.
- Злотникова 2023 – Злотникова И.В. Иконопись и народные промыслы: Их связь и взаимное влияние // Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние: Материалы научной конференции, 24–25 июня 2022 г. М.: Северный паломник, 2023. С. 7–39.
- Иванов 1996 – Иванов С.А. «Адописные иконы» в контексте позднесредневековой русской культуры // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис, 1996. С. 385–391.
- Коровин 2024 – Коровин В.Ю. Фолежные иконы в Воронежском крае: к постановке вопроса этнографического изучения // Афанасьевский сборник: Ватериалы и исследования. Вып. 18: Народная культура и проблемы ее изучения: Сборник статей. Воронеж, 2024. С. 101–105.
- Соловьев 2017 – Соловьев Л.Г. Живопись и рисование в воронежском крае // Воронеж в воспоминаниях современников. XIX – первая четверть XX в. / публ., предисл. и коммент. А.Н. Акиньшина. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2017. С. 137–201.
- Стомаченко 2003 – Стомаченко К.В. Народный обычай фолежного обряжения икон: по полевым наблюдениям в Воронежской и Липецкой областях // Традиции и современность. 2003. № 2. С. 98–102.
- Тарасов 1995 – Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-Традиция, 1995. 496 с.
- Doronin 2018 – Doronin D.Yu. The “soft iconoclasm” in vernacular orthodoxy of Volga Finns // IKON. Journal of Iconographic Studies. 2018. Vol. 18. С. 197–204.

References

- Aleksandrova, O.I. and Tumanova, A.O. (2012), “Decoration of icons with foil and paper in the southern regions of the Nizhny Novgorod region (based on the materials of ethnographic expeditions of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Museum)”, in *Svyatyni zemli Nizhegorodskoi: Monastyri: Materialy II regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Shrines of Nizhny Novgorod land. Monasteries. Proceedings of the II regional scientific and practical conference],

- Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 110–114.
- Antonov, D.I. (2022), “Soviet icons as a research project”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 155–164.
- Antonov, D.I. (2024) “The ‘nest’ icon. The history of complex shrines. From temple icons to Soviet ‘kiotki’ (icons in image cases)”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 60–99.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icon. From birth to ‘funeral’”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 29–33.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2023), *Sovetskie ikony: istoriya i etnografiya Nizhegorodskoi traditsii* [Soviet icons. History and ethnography of the Nizhny Novgorod tradition], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I., Doronin, D.Yu., Zav’yalova, A.I. (2024), *Sovetskie ikony: metodicheskoe posobie po organizatsii issledovatel’skikh rabot* [Soviet icons. A methodological guide for the organization of research work], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.Yu. (2022), “The post-Soviet fate of ‘Soviet icons’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 94–109.
- Antonov, D.I. and Zav’yalova, A.I. (2024), “Soviet icons and semiotic ideologies. What guides people when they guide icons”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 136–163.
- Doronin, D.Yu. (2018), “The ‘soft iconoclasm’ in vernacular orthodoxy of Volga Finns”, *IKON. Journal of Iconographic Studies*, vol. 18, pp. 197–204.
- Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest region. Genesis and local traditions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–93.
- Doronin, D.Yu. (2023), “Shiloksha – a village of icon makers. Between the monastery and the highway”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 35–40.
- Doronin, D.Yu. (2024) “Mass peasant icon in Russia. The history of criticism and semiotic ideologies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 35–60.
- Doronin, D.Yu. (2024), “‘Mordovian icons’. On the genesis of the tradition of decorating foil icons in the Nizhny Novgorod South”, in *Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniya: Sbornik statei uchastnikov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collected articles of participants of the V All-Russian scientific and practical conference “Issues of historical and environmental regional studies”], ООО “Editus”, Moscow, Russia, pp. 165–175.
- Doronin, D.Yu. (2024), “Shining shrines. The craft of popular icons and its affordances in the 19th – 20th centuries”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 100–135.
- Doronin, D.Yu. and Zav’yalova, A.I. (2023), “Flowers from the village of Lipovka. Soviet foil icons of the Ardatov region”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 32–55.

- Goryushkina, L.P. (2021), "Icon decoration. People and traditions (based on the materials of the Tambov expedition 2018–2020)", in Vorontsova, E.V., Allenov, A.N., Elagina, V.S. and Korshikova, E.A., eds., *Derevenskie svyatyni: sbornik statei, interv'yuy i dokumentov* [Village shrines. Collected articles, interviews and documents], Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia, pp. 59–66.
- Ivanov, S.A. (1996), " 'Hell-painted icons' in the context of Late Medieval Russian culture", *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnei Rusi* [The miraculous icon in Byzantium and Old Rus'], Martis, Moscow, Russia, p. 385–391.
- Korovin, V.Yu. (2024), "Foil icons in the Voronezh region. On raising the issue of ethnographic study", in *Afanas'evskii sbornik: materialy i issledovaniya. Vyp. 18 Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya: sbornik statei*. [Afanasyev collection. Materials and research, iss. 18: Folk culture and the issues of its study. Collected articles], Voronezh, Russia, pp. 101–105.
- Solovyov, L.G. (2017), "Painting and drawing in the Voronezh region", in Akinshin, A.N., ed., *Voronezh v vospominaniyakh sovremennikov. XIX – pervaya chetvert' XX v.* [Voronezh in the memoirs of contemporaries. 19th the first quarter of the 20th century], Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, Voronezh, Russia, pp. 137–201.
- Stomachenko, K.V. (2003), "The folk tradition of the foil decoration of icons. According to field observations in the Voronezh and Lipetsk regions", *Traditsii i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–102.
- Tarasov, O.Yu. (1995), *kona i blagochestie: Ocherki ikonnoogo dela v imperatorskoi Rossii* [Icon and piety. Essays on icon art in Imperial Russia], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Walczak, D. (2021), "Icon in a shining framework in every house. Riza-covered (folezh) icons in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries", *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (Accessed 2 Feb. 2024).

Информация об авторах

Дмитрий Ю. Доронин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demetra2@mail.ru

Виктор Ю. Коровин, кандидат философских наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; 394018, Россия, Воронеж, Университетская площадь, д. 1; kometkin@mail.ru

Information about the authors

Dmitrii Yu. Doronin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; demetra2@mail.ru

Victor Yu. Korovin, Cand. of Sci. (Philosophy), Voronezh State University, Voronezh, Russia; 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russia, 394018; kometkin@mail.ru